

ЧЕЛОВЕК И ДРЕВНОСТИ

**Памяти Александра Александровича Формозова
(1928–2009)**

Москва
2010

ББК 63.4
Ч 39

**Генеральный спонсор издания — Автономная некоммерческая организация
содействия сохранению историко-культурного наследия страны
«Наследие» (АНО «Наследие»)**

Ответственные редакторы:
кандидат исторических наук *И.С. Каменецкий*
доктор исторических наук *А.Н. Сорокин*

Составители сборника:
кандидат исторических наук *М.В. Андреева*
кандидат исторических наук *С.В. Кузьминых*
Т.Н. Мишина

Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) /
Отв. редакторы И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. — М: Гриф и К., 2010. — 918 с., илл.

Сборник «Человек и древности» посвящен памяти русского археолога и историка Александра Александровича Формозова (30.12.1928–31.01.2009), внесшего фундаментальный вклад в изучение каменного века России, ключевых проблем источниковедения, теории первобытного искусства и истории науки.

Для археологов, антропологов, историков, студентов гуманитарных специальностей и всех любителей отечественной археологии и истории.

MAN and ANTIQITIES

**Aleksandr Aleksandrovich Formozov in memoriam
(1928–2009)**

Man and Antiquities: Aleksandr Aleksandrovich Formozov in memoriam (1928–2009) / Eds.:
I.S. Kamenetsky, A.N. Sorokin. — Moscow: Grif & C., 2010.— 918 pages, with illustrations.

Collection of articles “Man and Antiquities” is dedicated to commemorate an outstanding Russian archaeologist and historian Aleksandr Aleksandrovich Formozov (30.12.1928–31.01.2009) widely known for his fundamental contributions to the investigations of the Stone Age of Russia, the key problems of source analysis, theoretical studies of primitive art, and the history of science.

For archaeologists, anthropologists, historians, young specialists in humanities, and all those interested in national archaeology and history.

Moscow
2010

Саша Формозов

Портрет А.А. Формозова работы Л.А. Евтюховой, конец 1940-х годов

А. Сорокин

Реквием

Ускакал новогодний олень,
разыгралась всерьёз непогода,
и в январский неласковый день
оборвалась звезда с небосвода.

Без пророков живётся легко,
а с пророками — трудно и сложно:
даже тяжесть духовных оков
ощущать начинаешь подкожно.

Пусть конечны земные года,
пусть у каждого брэнное тело,
Дон Кихот не умрёт никогда,
если в наших сердцах его дело.

31.01–3.02.2009

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сорокин А.Н.</i> Реквием.	1
<i>Столяр А.Д.</i> Светлой памяти памяти друга — Александра Александровича Формозова	11
<i>Формозов А.А.</i> «Сберечь памятники сумеют только те, кому они дороги...»	37
Библиография трудов А.А. Формозова.	43

Раздел 1. Восхождение к древности

<i>Щелинский В.Е.</i> Памятники раннего палеолита Приазовья	57
<i>Голованова Л.В., Дороничев В.Б.</i> Время и причины замещения неандертальцев ранними современными людьми в Западной Евразии.	78
<i>Клейн Л.С.</i> Изобразительная деятельность в эволюционной перспективе	112
<i>Смирнов Ю.А.</i> Вновь о неандертальских погребениях Европы	123
<i>Сергин В.Я.</i> К истории изучения палеолитических поселений Восточной Европы (1873 г. — 1930-ые годы)	127
<i>Григорьев Г.П.</i> Женские изображения граветийского времени	143
<i>Ветров В.С.</i> Концепция «очагов первобытного искусства» А.А. Формозова в контексте возможности выделения стилевых провинций позднепалеолитического искусства (по материалам территории Украины)	165
<i>Булочникова Е.В., Кудрявцев Д.И., Приходько Д.И.</i> Камни верхнепалеолити- ческой стоянки Авдеево	176
<i>Сорокин А.Н.</i> Еще раз о проблеме «постсвидерских» культур Восточной Европы	188
<i>Колосов А.В.</i> Культурное многообразие в мезолите Верхнего Поднепровья	203
<i>Ошибкина С.В.</i> Орнаменты, условные знаки и гравировки на изделиях культуры веретье	216
<i>Вискалин А.В.</i> Динамика климатических колебаний и культурные процессы в неолите Волго-Уральской лесостепи	228
<i>Лозовский В.М., Лозовская О.В.</i> Изделия из кости и рога раннеолитических слоев стоянки Замостье 2	237
<i>Смирнов А.С.</i> О границах археологических культур (о единстве и различиях в неолите бассейнов Сожа, Десны и Оки)	253
<i>Кузьмин Я.В., Попов В.К., Гласкок М.Д.</i> Источники археологического обсидиана на юге Дальнего Востока России: пример междисциплинарного исследования	263
<i>Сериков Ю.Б.</i> Клады каменных изделий на территории среднего Зауралья как ритуальные комплексы.	276
<i>Шумкин В.Я., Колпаков Е.М.</i> Новый центр наскального творчества Северной Европы: антропоморфные композиции Канозера	294
<i>Жульников А.М.</i> Кремневая скульптура в культуре древнего населения Прибеломорья и соседних регионов.	303

<i>Бурдо Н.Б.</i> Антропоморфные сюжеты в орнаментации трипольской культуры	317
<i>Балабина В.И., Мишина Т.Н.</i> Последний энеолитический поселок на телле Юнаците: история гибели	336
<i>Котова Н.С.</i> О культурной принадлежности группы погребений эпохи среднего энеолита в междуречье Днестра и Дона	343
<i>Юдин А.И.</i> Алтатинская энеолитическая культура Нижнего Поволжья	363
<i>Гей А.Н.</i> Необычный сосуд культуры жемчужно-накольчатой керамики с поселения Мысхако I	381
<i>Поплевко Г.Н.</i> Трасологическое и технологическое исследование материалов поселения Мешоко из шурфа I (раскопки С.М. Осташинского 2007 г.)	387
<i>Резепкин А.Д.</i> К вопросу о классификации дольменов и погребальном обряде «дольменной культуры»	412
<i>Спасовский Ю.Н.</i> Анализ фаунистических остатков из культурного слоя поселения Новосвободненское	423
<i>Андреева М.В.</i> Бронзовые орудия из катакомбных погребений Предкавказья: культовая и социально-знаковая функции	426
<i>Отрощенко В.В., Захарова Е.Ю.</i> Феномен сосудов со знаками эпохи бронзы: научное наследие А.А. Формозова и современное состояние проблемы	458
<i>Хаванский А.И.</i> Хронологическое соотношение синташтинского и раннеалакульского населения (на материале керамических комплексов)	464
<i>Дьякова О.В.</i> Древние укрепления в бассейне р. Амур	477
<i>Каменецкий И.С.</i> Карагодеуашх: достоверность старых отчётов	481
<i>Гусаков М.Г.</i> Подсечное земледелие в железном веке Восточной Европы	491
<i>Тугус М.Б.</i> К вопросу об освоении и заселении московского урочища «Глинищи» в Китай-городе (XII – сер. XVII вв.)	508
<i>Державин В.Л.</i> Археологические памятники как аргумент при территориальных спорах в Арктике	515

Раздел 2: Обретение человека

<i>Сорокин А.Н.</i> К 75-летию А.А. Формозова	525
<i>Мельникова О.М.</i> Уроки А.А. Формозова	527
<i>Дубровский А.М.</i> К характеристике взглядов А.А. Формозова на развитие историографии отечественной истории	538
<i>Бердинских В.А.</i> А.А. Формозов — историк (по материалам моего архива)	548
<i>Бочкарева Л.И.</i> О некоторых взглядах А.А. Формозова на русскую культуру XIX века	555
<i>Беляев Л.А.</i> Классические древности как фактор развития западноевропейской культуры	562
<i>Тункина И.Н.</i> Археолого-эпиграфические исследования Ф.К. Маршала фон Биберштейна в Восточном Крыму и на Кавказе в конце XVIII в. (по неизданным архивным документам)	588
<i>Платонова Н.А.</i> Карл Максимович Бэр и начало исследований первобытных древностей России	611
<i>Щавелёв С.П.</i> «Гочевские древности Обоянского уезда Курской губернии» 1909 г.: публикация архивированного отчета последней экспедиции Д.Я. Самоквасова	623
<i>Гусев К.А.</i> О посещении европейских музеев Д.Н. Анучиным во время заграничной командировки 1877–1879 годов (к вопросу о развитии антропологии в России во второй половине XIX в.)	638

<i>Басаргина Е.Ю., Застрожнова Е.Г.</i> Премии имени К.К. Гёрца	642
<i>Смирнов А.С.</i> Несостоявшиеся российские исследования в Персии	654
<i>Тихонов И.Л.</i> Археология в Музее Антропологии и Этнографии Академии наук в XIX – начале XX вв.	665
<i>Макаров Н.П., Вдовин А.С.</i> Археология в Красноярском музее (1889–1940 гг.)	678
<i>Гайдуков П.Г.</i> А.В. Орешников о В.А. Городцове	684
<i>Белозерова И.В.</i> Жизнь и научная деятельность В.А. Городцова в годы Великой Отечественной войны (по материалам личного архива в ОПИ ГИМ)	690
<i>Серых Д.В.</i> Документы о московском периоде биографии В.В. Гольмстен.	703
<i>Иванова Н.В.</i> Письма Бориса Сергеевича Жукова в Нижний Новгород	715
<i>Малов Н.М.</i> Советский археолог Павел Сергеевич Рыков (к 125-летию со дня рождения)	721
<i>Балабина В.И.</i> «...Спасу от поглощения Летой тебя, себя и весь наш круг» (хроника одной давней экспедиции в рисунках и стихах)	734
<i>Кызласова И.Л.</i> Об археологе В.П. Левашевой и ее отце протоиерее П.Н. Левашеве	751
<i>Якушкина М.М.</i> Личный архив М.Е. Фосс в отделе письменных источников Государственного Исторического музея	770
<i>Усачук А.Н.</i> О сборнике Изюмского музея 1923 года издания (история одного экземпляра)	781
<i>Свешикова О.С.</i> Организационные формы освоения марксизма в 1920–1930-х гг. (на примере ГАИМК)	786
<i>Паромов Я.М.</i> Социалистическое соревнование в ГАИМК в 1930–1931 гг.	790
<i>Кореняко В.А.</i> Проблемы этики и проявления кризиса в современной археологии (шесть лет спустя)	802
<i>Щавелев А.С.</i> Три мотивно-семантические параллели в славянских легендах о первых князьях	814
<i>Кудрявцев О.Ф.</i> Дипломатия Александра Невского: цели, принципы, направления (опыт реконструкции)	819
<i>Дюрэн Ж.</i> Эмоции и интонативные клише в рамках стереолингвистики (к проблеме происхождения человеческого языка)	826
<i>Добровольская М.В.</i> Пищевые стратегии мустьерского и верхнепалеолитического населения Европы	837
<i>Медникова М.Б.</i> Новые методы и данные к диагностике онкологических заболеваний у представителей социальной элиты эпохи раннего металла.	844
<i>Бужилова А.П.</i> Донские аланы по данным антропологии	855
<i>Березина Н.Я.</i> Антропологические особенности населения Кенигсберга XVIII–XIX вв.	867
<i>Шведчикова Т.Ю.</i> Искусственная деформация черепа человека: историография вопроса и современные аспекты исследования	876
Резюме статей	887
Список авторов	909
Список сокращений	913

CONTENTS

<i>Sorokin A.N.</i> Requiem.	1
<i>Stolyar A.D.</i> In my friend's Aleksandr Aleksandrovich Formozov memory	11
<i>Formozov A.A.</i> "Only those having got personal attitude to the sites are able to preserve them..."	37
List of A.A. Formozov's publications.. . . .	43

Part I. Approaching to Antiquity

<i>Shchelinsky V.E.</i> Early Palaeolithic sites in the Azov Sea region	57
<i>Golovanova L.V., Doronichev V.B.</i> Replacement of Neanderthals by early modern humans: Chronology and causes.	78
<i>Klejn L.S.</i> Figurative activity in evolutionary perspective.	112
<i>Smirnov Yu.A.</i> Turning back to the Neanderthal burials in Europe	123
<i>Sergin V.Ya.</i> On the history of investigation of Palaeolithic settlements in Eastern Europe (1873–1930-s)	127
<i>Grigor'ev G.P.</i> Female images of the Gravette epoch	143
<i>Vetrov V.S.</i> Formozov's concept of «primitive art foci» in the context of singling out stylistic provinces of the Upper Palaeolithic art (on the materials from the territory of Ukraine).	165
<i>Bulochnikova E.V., Kudryavtsev D.I., Prikhod'ko D.I.</i> Stones at the Upper Palaeolithic site Avdeevo	176
<i>Sorokin A.N.</i> Once again about the problem of Post-Swidry cultures in Eastern Europe	188
<i>Kolosov A.V.</i> Cultural diversity in the Upper Dnieper region in the Mesolithic	203
<i>Oshibkina S.V.</i> Ornaments, signs, and engravings on the objects of Veretye culture.	216
<i>Viskalin A.V.</i> Dynamics of climatic fluctuations and cultural processes in the Neolithic of the Volga-Ural forest-steppe	228
<i>Lozovsky V.M., Lozovkaya O.V.</i> Bone and antler tools from the Early Neolithic layers of site Zamostye 2	237
<i>Smirnov A.S.</i> Concerning delimitation of archaeological cultures (on the unity and difference in the Neolithic of the Sozh, Desna and Oka rivers' basins).	253
<i>Kuzmin Ya.V., Popov V.K., Glascock M.D.</i> Sources of archaeological obsidian in the Southern Russian Far East: Example of multidisciplinary study	263
<i>Serikov Yu.B.</i> Hoards of stone objects in the Middle Transurals as ritual associations	276
<i>Shumkin V.Ya., Kolpakov E.M.</i> New rock art site in Northern Europe: Anthropomorphic compositions of Kanozero	294
<i>Zhulnikov A.M.</i> Flint figurines in the culture of ancient population of the White Sea zone and neighbouring regions.	303
<i>Burdo N.B.</i> Anthropomorphic motifs in Trypillya pottery decoration	317
<i>Balabina V.I., Mishina T.N.</i> The latest Eneolithic settlement at Tell Yunatsite: The history of destruction	336

<i>Kotova N.S.</i> Cultural attribution of a group of the Middle Eneolithic burials in the Dnieper and Don interfluve	343
<i>Yudin A.I.</i> Altata Eneolithic culture of the Lower Volga region.. . . .	363
<i>Gei A.N.</i> An unusual vessel of pearl-and-stroke pottery culture from the Myskhako I settlement	381
<i>Poplevko G.N.</i> Microwear and technological investigation of material from the Meshoko settlement, test-pit I	387
<i>Rezepkin A.D.</i> Concerning classification of dolmens and burial rite of the “dolmen culture”	412
<i>Spasovsky Yu.N.</i> Faunal remains from the cultural deposit of the Novosvobodnenskoe settlement	423
<i>Andreeva M.V.</i> Bronze tools from catacomb burials of the North Caucasus piedmonts: Ritual and social significance	426
<i>Otroshchenko V.V., Zakharova E.Yu.</i> Phenomenon of the Bronze Age vessels with signs: A.A. Formozov’s heritage and present state of the problem	458
<i>Khavansky A.I.</i> Chronological sequence of the Sintashta and early Alakul population (Case study of the pottery associations).	464
<i>D’yakova O.V.</i> Ancient fortresses of the Amur basin	477
<i>Kamenetsky I.S.</i> Karagodeuashkh: Reliability of old field records	481
<i>Gusakov M.G.</i> Slash-and-burn agriculture in the Iron Age of Eastern Europe	491
<i>Tugus M.B.</i> On settling the Moscow locality Glinishchi in Kitaigorod in the XII th –XVII th centuries	508
<i>Derzhavin V.L.</i> The role of archaeological sites in territorial arguments in Arctic	515

Part II. Meeting Man Face to Face

<i>Sorokin A.N.</i> To 75 th anniversary of A.A. Formozov	525
<i>Melnikova O.M.</i> A.A. Formozov’s lessons	527
<i>Dubrovskij A.M.</i> Concerning Formozov’s views on historiography of national history	538
<i>Berdinskikh V.A.</i> A.A. Formozov as a historian (On the materials from the author’s personal archive	548
<i>Bochkareva L.I.</i> On some A.A. Formozov’s views on the Russian culture of XIX century.	555
<i>Beliaev L.A.</i> Classical archaeology: the factor of the development of West-European culture	562
<i>Tunkina I.V.</i> Archaeological-epigraphic investigations of F.K. von Bieberstein in the Eastern Crimea and the Caucasus in the late XVIII (according to unpublished archive records)	588
<i>Platonova N.A.</i> Karl Ernst von Baer and the beginnings of studies of Russia’s prehistoric	611
<i>Shchavelyov S.P.</i> “The Gochevo antiquities in Oboyan’ Uyezd of Kursk Province”, 1909: The publication of archive report of D.Ya. Samokvasov’s last expedition	623
<i>Gusev K.A.</i> D.N. Anuchin visiting European museums in 1877–1879 (On development of anthropology in Russia in the second part of XIX century)	638
<i>Basargina E.Yu., Zastrozhnova E.G.</i> Ch. Görtz prizes	642
<i>Smirnov A.S.</i> The Russian might-have-been investigations in Persia	654
<i>Tikhonov I.L.</i> Archaeology at the Museum of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences in XIX — early XX centuries	665

<i>Makarov N.P., Vdovin A.S.</i> Archaeology in Krasnoyarsk Museum (1889–1940)	678
<i>Gaidukov P.G. A.V.</i> Oreshnikov about V.A. Gorodtsov	684
<i>Belozyorova I.V.</i> V.A. Gorodtsov's life and scientific activities in the years of the Great Patriotic War (Materials from the private archive in State Historical Museum)	690
<i>Serykh D.V.</i> Documents concerning the Moscow period of life of V.V. Holmsten	703
<i>Ivanova N.V.</i> B.S. Zhukov's letters to Nizhnij Novgorod	715
<i>Malov N.M.</i> Soviet archeologist Pavel Sergeevich Rykov (toward the 125 th anniversary of birth	721
<i>Balabina V.I.</i> «Saving us and our friends' circle from the Lethean waves...» (chronicle of a far-off expedition in drawings and verses).	734
<i>Kyzlasova I.L.</i> On archaeologist V.P. Levasheva and her father Archpriest P.N. Levashev	751
<i>Yakushkina M.M.</i> Personal archive of M.E. Foss in the Department of written sources of State Historic Museum.	770
<i>Usachuk A.N.</i> On the collection of articles of Izyum Museum published in 1923 (The history of one copy)	781
<i>Sveshnikova O.S.</i> Organizational forms of introduction of Marxism by the example of State Academy for the History of Material Culture in 1920s – 1930s	786
<i>Paromov Ya. M.</i> Socialist emulation in State Academy for the History of Material Culture in 1930–1931	790
<i>Korenyako V.A.</i> Ethic problems and manifestations of crisis in modern archaeology (Six years later).	802
<i>Shchavel'yov A.S.</i> Three related semantic motifs in Slavic legends on first princes	814
<i>Kudryavtsev O.F.</i> The diplomacy of Aleksandr Nevskiy: objectives, principles and directions (an attempt of reconstruction)).. . . .	819
<i>Durin J.</i> Emotions and intonation cliches in the field of stereolinguistics (concerning the problem of human language origin)	826
<i>Dobrovolskaya M.V.</i> Nutritional strategies of the Mousterian and Upper Palaeolithic humans in Europe.	837
<i>Mednikova M.B.</i> New data and methods for diagnostics of oncological diseases among social elite of the Early Metal Age	844
<i>Buzhilova A.P.</i> The anthropological data concerning the Alans of the Don River area	855
<i>Berezina N.Ya.</i> Anthropological characteristics of Koenigsberg population in the XVIII th –XIX th AD	867
<i>Shvedchikova T.Yu.</i> Artificial skull deformation: Historiography and the state of contemporary study	876
Summaries	887
List of contributors	909
Abbreviations	913

Н.И. Платонова

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

КАРЛ МАКСИМОВИЧ БЭР И НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕРВОБЫТНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ РОССИИ¹

ВВЕДЕНИЕ

Как отмечал А.А. Формозов в своей книге о начале исследований каменного века в России, «первой ласточкой» в этом деле стали публичные выступления К.М. Бэра. «10 октября 1859 г. выдающийся биолог академик Карл Максимович Бэр (1792–1876; Илл. 49) прочел в Русском географическом обществе доклад «О древнейших обитателях Европы», познакомив слушателей с достижениями «доисторической археологии» во Франции, Дании, Швейцарии. Опубликовали этот доклад в 1863 г. Тогда же выпускавшийся Академией наук и рассчитанный на широкие слои читателей «Месяцеслов за 1864 (високосный) год» поместил более пространственный вариант работы Бэра, содержащий и 23 рисунка — каменных орудий, реконструкцию поселка на сваях и т. д.» (Формозов, 1983.С. 17).

Упомянутый доклад и публикации представляли собой лишь одно из целой серии выступлений по проблемам первобытного человека и его культуры, предпринятых К.М. Бэром в конце 1840–1860-х гг. (Бэр, 1849; 1851; 1863; 1864; 1865–1867; Бэр, Шифнер, 1862). В них проводился принципиально новый для России взгляд на вещественные

остатки древнейшего периода (каменные и костяные орудия) как на новый вид источников по истории первобытного человечества.

Признание научной и музейной ценности «остатков» знаменовало собой настоящий переворот в отечественном музейном деле. Деятельность К.М. Бэра положила начало накоплению материалов по первобытной археологии в центральных музеях (Бэр, Шифнер, 1862). Его сотрудник и последователь Петр Иванович Лерх (1828–1884) говорил впоследствии на II Археологическом съезде: «Коллекция Бутенева стала известною в Санкт-Петербурге в то время, когда в среде Академии наук и Российского Географического общества голос многоуважаемого К.М. Бэра требовал для подобного рода памятников быта древнейших обитателей нашего отечества места в наших музеях. Я имел удовольствие видеть, что при моем посредничестве упомянутая коллекция была приобретена Академией наук для ее Этнографического музея...» (Лерх, 1881. С. 10). Здесь речь идет об известной коллекции неолитических орудий, собранных в Олонецкой губернии горным инженером Николаем Федоровичем Бутеневым. Ее покупка музеем Академии наук стала первым прецедентом в деле при-

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (рук. проекта М.В. Аникович).

обретения археологических коллекций такого рода государственными музейными хранилищами нашей страны.

А.А. Формозов отмечал важную роль К.М. Бэра в деле популяризации достижений наиболее передовой в середине XIX в. скандинавской археологии. Это дело велось академиком с основательностью, достойной ученого-энциклопедиста, признанного всем миром «отцом эмбриологии». Так, например, для издания в России книги Й.-Я. Ворсо «Северные древности...» Академия наук «...упила в Дании матрицы этого альбома, и петербургская типография воспроизвела его целиком, включая и оригинальный текст. Параллельно дан перевод, выполненный хранителем Этнографического музея Леопольдом Федоровичем Радловым (1818–1865). Инициатор издания — К.М. Бэр — очень боялся, что оно пройдет незамеченным. Видимо, по его просьбе, статью о «Северных древностях» для газеты «Санкт-Петербургские ведомости» написал П.И. Лерх...» (Формозов, 1983. С. 18).

К.М. БЭР В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XX в.

Огромный вклад К.М. Бэра в развитие целого комплекса биологических наук и географии неоднократно был предметом рассмотрения историков естествознания XIX–XX вв. А вот роль его как идеолога комплексных исследований первобытности в России долго недооценивалась. Одной из причин этого послужило сдержанное отношение ученого к дарвинизму — особенно в части, касающейся происхождения и эволюции человека. Впрочем, в 1920-х гг. наступил короткий период, когда русские ученые как бы заново «открыли» для себя Бэра — философа естествознания, прямого предшественника В.И. Вернадского (Бэр, 1924; Вернадский, 1927; Радлов, 1927), а заодно и Бэра-«первобытника». Вы-

сказанные тогда оценки его трудов оказались не просто высокими — панегирическими.

В 1928 г., в первом выпуске «антропологического» журнала «Человек», его ответственный редактор акад. С.Ф. Ольденбург посвятил отдельную статью небольшой публикации К.М. Бэра, вышедшей из печати почти за 80 лет до того — «О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества» (Бэр, 1849). Здесь прямо указывалось, что «и качественно, и количественно Бэром сделано чрезвычайно много для изучения человека, но главное значение его работы... лежит в том широком подходе к этому изучению, в котором Бэр умел объединить дисциплины гуманитарные с дисциплинами естествоведческими (курсив мой. — Н.П.)... Путь Бэра — единственно правильный, и по нему желает идти наш новый журнал...» (Ольденбург, 1928. С. 9).

Однако развитие науки в СССР пошло далее совсем не по тому пути, который очертил для себя журнал «Человек». Не случайно его издание прекратилось уже на второй книжке (1929 г.). Фигура К.М. Бэра вновь стала рассматриваться исключительно в контексте естествоведческих исследований. Роль его в становлении археологии каменного века в России вновь была отмечена лишь А.А. Формозовым — да и то вкратце.

Настало время пристально рассмотреть этот аспект деятельности великого ученого и попутно сказать несколько слов о нем самом. К счастью, мы можем опираться здесь на работы историков естествознания, трудами которых многие работы К.М. Бэра, включая его «Автобиографию», оказались переизданы и переведены на русский язык (Бэр, 1950; Соловьев, 1941; Райков, 1950; 1951; Таммиксаар, 2000; и др.)². Здесь я постараюсь, по возможности, не пересказывать того, что уже известно, а сосредоточить внимание на том вкладе, который внес К.М. Бэр в развитие археологической мысли в России.

² В последние годы в литературе наблюдается всплеск интереса к личности и научным идеям К.М. Бэра. Совсем недавно они стали предметом монографического исследования (Назаров, 2008), основанного на изучении архивов ученого. Настоящая статья была написана до знакомства с этой монографией. Тем не менее, я считаю возможным опубликовать ее без переработки.

КАРЛ БЭР И «НЕМЕЦКАЯ ПРОБЛЕМА»
В РОССИИ XIX в.

Деятельность К.М. Бэра и его последователей-археологов (Л.Ф. Радлова и П.И. Лерха) до сих пор никогда не рассматривалась как одна из вех становления русской национальной археологии. Слишком «нерусскими» казались сами ученые. В этой связи показательно высказывание Д.Н. Анучина о деятельности К.М. Бэра в области антропологии. Отметив, что первые самостоятельные антропологические работы стали появляться в России лишь около 1850-х гг., он оговаривает: «...Да и те были обязаны сначала ученым немцам, преимущественно К.-Э. Бэру (курсив мой. — Н. П.)» (1900. С. 35).

Вопрос о «засилье» немцев в России XIX в. стоял весьма остро — в том числе и в научном сообществе. В Академии наук имелись свои «немецкая» и «русская» партии. Конечно, до рукоприкладства уже не доходило — былые схватки М.В. Ломоносова и Г.-Ф. Миллера отошли в анналы. Однако и во второй половине XIX в. газеты нередко писали о «темных силах, которые ревниво затворяют двери Академии перед русскими учеными» (Князев, 1931. С. 30). К.А. Тимирязев прямо называл Академию наук тех лет «немецкой», указывая, что она блистала «в 60-е годы именами Бэра, Ленца, Струве, Гесса и других» (Тимирязев, 1939. С. 147). Впрочем, как замечает автор специального исследования по данному вопросу, «Тимирязев мог бы подобрать и другие фамилии, — их было предостаточно, — а не склонять имена великих ученых...» (Романовский, 1999).

Глухой отзвук этой борьбы мы наблюдаем и в археологической публикации А.А. Иностранцева в «Вестнике Европы» за 1880 г. В ней упомянута одна из важнейших археологических статей К.М. Бэра (Бэр, Шифнер, 1862). Ссылка не обошлась без неприязненного замечания: оба академика — «иностранцы». А вот поучают русских, как надо любить отечественные древности (Иностранцев, 1880. С. 272–273). Здесь явно сказалось перманентное ощущение «национальной уязвленности», дававшее себя знать в русской публицистике тех лет.

Не следует забывать: середина — вторая половина XIX в. стали в России временем бурного культурного строительства. Всего за несколько десятилетий оказались созданы: национальная русская литература; русская симфоническая музыка; русская опера; русская живопись. К тому же периоду относятся выдающиеся открытия русских ученых в самых различных областях естествознания. Нет ничего удивительного в том, что в печати тех лет кипели нешуточные страсти вокруг русской *национальной культуры* и, в частности, вокруг *истории культуры*.

Эта пассионарная подоснова, жажда национального самоутверждения, на практике оказывалась основой многих достижений. Обратной же стороной процесса явилось то, что в указанный период «острие противостояния было направлено на детей, внуков и даже правнуков иностранцев петровского и екатерининского призывов. Они, само собой, родились в России и были российскими подданными...» (Романовский, 1999). Многие из них сами оказались захвачены делом строительства русской науки и культуры, служили своей родине не за страх, а за совесть. К числу именно таких людей принадлежал К.М. Бэр.

Несомненно, ему пришлось пережить немало тяжелых минут в связи со своей «исходной» национальной принадлежностью. В автобиографических заметках К.М. Бэра имеется такой пассаж: «...Немцам, живущим по эту сторону Наровы, говорят: «Зачем вам глядеть на Запад, вы вовсе не немцы, так как Петр Великий завоевал вас!». С Востока же мы слышим: «Держитесь от нас подальше, не нарушайте наш патриархальный покой, Бирон достаточно нам насолил!». Напрасно искать логическую формулу, в которой можно было бы объединить и герцога Бирона, временщика первой половины XVIII века, и обычного немца нашего времени, который, ища пропитания, странствует, занимаясь наукой... Как угодить этим людям? Что делать? Уйти обратно за Неман? Или уйти в Царствие небесное? Это было б, пожалуй, всего лучше...» (Бэр, 1950. С. 407).

Карл-Эрнст Бэр действительно родился «по эту сторону Наровы». Он был уроженцем и подданным Российской империи — и с дет-

ства считал своим отечеством ее, а не одно лишь поместье отца в Эстляндии. В 1812 г., будучи студентом-медиком в Дерпте, Бэр идет добровольцем на войну с Наполеоном. В своей позднейшей «Автобиографии» академик объяснил свое решение кратко: «Надо было постоять за родину...» (Там же. С. 154). Самоотверженная работа в тифозных госпиталях в Риге, переполненных жертвами французских бомбардировок, едва не лишила мир гениального ученого. Но здоровый от природы организм поборол болезнь.

Жизнь Карла-Эрнста сложилась так, что в дальнейшем он почти 20 лет прожил в Кёнигсберге, где и провел свои уникальные исследования по эмбриологии животных и человека. Однако ученый не отказался от российского подданства, а в дальнейшем приложил немало усилий, чтобы вернуться в Россию — что и исполнил, несмотря на отчаянное сопротивление супруги, урожденной баронессы фон Медем, видимо всерьез подозревавшей, что по улицам Петербурга гуляют белые медведи.

Позднее Бэр воспринимал как личное оскорбление любые презрительные выпады в адрес русского народа. Так, в частности, случилось в 1839 г., когда в английском журнале «Atheneum» появилась заметка о научных экспедициях в России. В ней утверждалось, что «варварство простонародья» якобы «губит... при организации путешествий благие намерения правительства» (цит. по: Райков, 1950. С. 28). На это К.М. Бэр, сам великий путешественник, исследователь Новой Земли и Прикаспия, счел нужным немедленно ответить: «Мы никогда не слышали ни об одной экспедиции, где бы намерения правительства были погублены варварством простонародья. Наоборот, простые русские люди почти всегда пролагали пути научным изысканиям. Вся Сибирь с ее берегами открыта таким образом. Правительство всегда лишь присваивало себе то, что народ открывал...» (Там же).

В 1840 г. граф Кейзерлинг, духовный вождь остзейского дворянства в России, с неудовольствием заявил в немецкой печати, что посещение академика Бэра произвело на него очень тяжелое впечатление. Бэр-де стал «хорошим русским патриотом» (Там же. С. 29). С последним утверждением следует согласить-

ся. Карл-Эрнст, полжизни проживший в чисто немецкой среде, успешно превращался тогда в «Карла Максимовича». На склоне лет он уже настолько сносно говорил по-русски, что в Каспийской экспедиции «в Астрахани мог беседовать с русскими купцами-рыбниками» (Холодковский, 1893). А в разработанном академиком плане археологического исследования России специально подчеркивался *национальный аспект* этих исследований.

К.М. БЭР И ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ДРЕВНОСТЕЙ

Исторический опыт всех без исключения европейских стран показал: восприятие памятников как *национального культурного достояния* явилось важнейшим фактором на пути превращения антикварной археологии в науку. По словам А.С. Уварова (1864 г.), «...чувство народности, пробужденное необходимостью для Европы сокрушить Наполеоновскую власть, обратилось, по умиротворении Европы, к изучению всего родного... Под влиянием чувства народности в Европе возникают Археологические Общества. Они дружными и совокупными силами занимаются исследованием родных памятников...» (1910. С. 127).

Есть все основания считать, что К.М. Бэр и его сотрудники, занимавшиеся проблемами изучения первобытности в Петербургской Академии наук, были в этом вопросе совершенно солидарны с А.С. Уваровым. Сам К.М. Бэр указывал: «Если Россия не займется изучением своей древнейшей старины, то она не исполнит своей задачи, как образованного государства. Дело это уже перестало быть народным: оно делается общечеловеческим. *Но затронется и разовьется интерес чисто национальный* (курсив мой. — Н. П.), если мы узнаем результаты всего того, что сделано на этом поприще другими народами, и если облегчится классификация и номенклатура древностей, находимых в нашем отечестве...» (НА ИИМК. Ф. 1. 1865. № 15. Л. 6).

В том же ключе высказывался последователь Бэра — петербургский ориенталист и археолог-первобытник П.И. Лерх, который в 1860–1870-х гг. активно развивал идеи свое-

го наставника в области первобытной археологии: «...Наше доисторическое прошлое дорого нам, как зародыш нынешнего нашего существования и всей нашей будущности. Народ, уважающий себя и свою самостоятельность, не останавливается на созерцании одного настоящего, с любовью обращает взоры и к отдаленному периоду своего начала, старается определить степень своего родства с другими народами; узнать время и условия занятия той страны, в которой он основал себе отчизну; одним словом, желает узнать: каким образом он стал тем, чем есть теперь...

...Кто посещал за границей собрания... отечественных древностей... тот знает, с какой ревностью и успехом в упомянутых странах, кроме так называемых классических древностей, собирают и изучают еще и древности народные, относящиеся частью к периодам, о которых, по отсутствию в них письменности, мы принуждены почерпать сведения из скрывающихся в земле следов человеческого быта.

У нас также начинают сознавать необходимость мер к сохранению и разведке древностей, встречающихся в нашем обширном отечестве. ...Но они останутся недостаточными для успехов археологии... коль скоро в образованной части народа интересы науки археологической не будут встречать живого сочувствия...» (Лерх, 1863–1965. Т. IV. Вып. 2. С. 146–147).

Как видим, П.И. Лерх не менее своего учителя заслуживал звания «хорошего русского патриота». Как и А.С. Уваров, он считал, что именно подъем национального самосознания в Европе повсеместно способствовал развитию интереса к отечественным древностям. К тому же следует стремиться нам — в «нашем обширном отечестве».

«СКАНДИНАВСКИЙ ПОДХОД» В АРХЕОЛОГИИ И К.М. БЭР

Первые научные исследования первобытных эпох (неолита и бронзы) стартовали в Северной и Средней Европе за четверть века до начала распространения дарвинизма. Раскопки памятников изначально велись естествоиспытателями и археологами-историками в

тесном содружестве. Именно тогда в Скандинавии (в ходе изучения кьёккенмёддингов), а позднее в Швейцарии (после открытия свайных поселений), было положено начало широкому использованию данных геологии, палеозоологии, химии и других естественных наук при анализе материалов из раскопок (Лерх, 1863–1865). Тогда же было обращено внимание на петрографический состав изделий из камня, на остеологические и антропологические данные, на химический состав древних бронз. Проводились сопоставления результатов с геологическими картами, с материалами рудных месторождений и т. д. Пристальному изучению подвергался и сам вещественный материал — по формам изделий. Оговорим особо: в глазах самих ученых подобная практика диктовалась конкретными нуждами *исторического исследования* и отнюдь не переводила его в разряд естественнонаучных.

В основе данного подхода, названного позднее «скандинавским» (Scandinavian approach) (Trigger, 1989. P. 80–85), безусловно, лежали представления об эволюции культуры во времени. Его основоположником Х.-Ю. Томсенем была предложена важнейшая классификационная схема, получившая название «системы трех веков». Основой ее стали самые общие представления о прогрессе, унаследованные от эпохи Просвещения. За ними стоял своеобразный феномен социальной психологии, новое, эволюционное видение мира.

Скандинавский подход оказал на русскую археологическую науку большое влияние. Его особенностью можно считать ясное осознание «исторического характера» археологии и предпочтение ретроспективного пути от известного (т. е. более позднего, этнографически и лингвистически исследованного) к неизвестному — более древнему, представленному лишь «вещественными памятниками». Именно в контексте скандинавского подхода следует рассматривать деятельность самой первой когорты исследователей первобытности в России 1850–1880-х гг. В этом ряду мы видим и естествоведов (К.М. Бэр, И.С. Поляков), и гуманитариев (Л.Ф. Радлов, П.И. Лерх, А.С. Уваров). Но К.М. Бэру принадлежит тут особая роль. Именно он своими

публичными и печатными выступлениями, по сути, *сформировал идеологию* данного научного направления на русской почве.

К.М. Бэр высоко ценил многие достижения европейской эволюционной этнологии 1840–1850-х гг., основанной на изучении современных «первобытных» народов. Впрочем, главным толчком в данном направлении стали для него не чужие, а собственные этнографические наблюдения, подкрепленные сопоставлением с новейшими по тем временам достижениями скандинавской археологической мысли. В связи с этим К.М. Бэр писал: «...Знание весьма различных состояний образованности у отдельных народов, с которыми мы познакомились через наши обширные путешествия... заставили предполагать, что весь род человеческий должен был испытать различные состояния, зависевшие от времени и от страны... Эти предположения впервые получили более прочное основание в весьма недавнее время, с тех пор, как стали *собира́ть остатки, сохранившиеся от этого доисторического состояния и находящиеся на поверхности и в глубине земной, сравнивать эти остатки между собой и пользоваться ими, как документами* (курсив мой. — Н. П.). Правда, что эти познания очень несвязны, но в некоторых странах Европы уже ясно высказываются в этом отношении различные периоды...

...Только по истечении первой трети нашего столетия, после того, как в Дании и Швеции... были собраны и изучены... памятники человеческого искусства дохристианских времен, Томсен в Копенгагене и Нильсен в Лунде почти одновременно указали, что, по крайней мере, в этих странах, прежде, чем было открыто железо... орудия... приготовлялись из смеси меди с оловом.

...Так как во многих могилах найдены только орудия из камня и кости и ни разу не встречено металлических орудий, но встречались предметы, которые впоследствии делались из бронзы, то названные ученые пришли к дальнейшему заключению, что было время, когда вообще не было известно употребление металлов... Таким образом, явилось разделение истории человеческого развития на периоды, которые и названы —

каменным, бронзовым и железным веками...» (Бэр, 1864. С. 27, 28).

Как видим, в рассуждениях К.М. Бэра постоянно увязываются между собой два фактора — эволюционно-временной и географической. Он готов допустить, что «весь род человеческий» прошел ряд общих ступеней развития, имевших, однако, большую специфику в разных странах в различные времена. Но сформулированный Бэром научный подход серьезно отличался от позднейшего палеоэтнологического, всецело основанного на естественнонаучной концептуальной платформе. При всем подчеркнутым вниманием к естественнонаучным методам и аспектам исследования, археология, в основе своей, оставалась у него культурологической, гуманитарной дисциплиной.

Убежденный моногенист, человек гуманистических убеждений, К.М. Бэр горячо отстаивал идею видового единства человечества и равенства рас. Человека каменного века он изначально воспринимал как полноценного человека — мыслящего и творческого. Бэр отказывался видеть в нем «переходное звено» от животного состояния к культурному: «...человек сотворен нагим и беззащитным, но с оконечностями, вполне развитыми для изготовления орудий защиты, с мыслящим духом и даром слова...» (Бэр, 1863. С. 2). Эта позиция авторитетного ученого заметно сказалась на первых шагах русской первобытной археологии. В трудах А.С. Уварова, П.И. Лерха, И.С. Полякова мы не найдем сентенций о «примитивности» тех или иных человеческих сообществ, о принадлежности их к «низшей ступени развития», «низшей расе» и т. д. Между тем, в европейской антропологии XIX в., включая новейшую школу П. Брока, представление о высших и низших расах являлось чем-то само собой разумеющимся.

К.М. БЭР И ТЕОРИЯ Ч. ДАРВИНА

Сдержанное отношение К.М. Бэра к дарвинизму — особенно в части, касающейся происхождения и эволюции человека, — в ряде случаев послужило причиной негативной оценки его деятельности в XX в. Причем

наиболее резкие оценки исходили от ученых, достаточно далеких от биологии — основной специальности К.М. Бэра. Так, в позднейшей биографии Д.Н. Анучина, составленной В.В. Богдановым, о К.М. Бэре сказано:

«...В 1865 г. Бэр в журнале «Натуралист» поместил на русском языке статью «Место человека в природе», в которой бывший сторонник прогрессивных воззрений в биологии выступил решительным противником Дарвина. Бэру, правда, русская наука обязана организацией некоторых русских экспедиций, давших ценные антропологические материалы, и устройством в Петербурге Антропологического музея Академии наук. В итоге анатом и эмбриолог Бэр дал весьма немного науке, а его антидарвинистский поход... обесценивает и всю его научную деятельность в изучении человека...» (Богданов, 1941. С. 18, 19).

Такая резкая и необъективная оценка требует комментариев. Конечно, она может объясняться элементарной неосведомленностью автора. Можно предположить и другое: автор старался оттенить заслуги своего героя — убежденного дарвиниста Д.Н. Анучина, — принижая его предшественника. Так или иначе, в работе Богданова подчеркивается, что К.М. Бэр был в России «чужим». Из работ его упомянута только одна — одиозная для всех дарвинистов статья в журнале «Натуралист» (Бэр, 1865).

В.В. Богданову — музееведу-этнографу с 40-летним стажем, конечно, было известно, какую высокую оценку давали деятельности К.М. Бэра-антрополога ученые его поколения. В связи с этим стоит подробнее рассмотреть уже упоминавшуюся выше публикацию акад. С.Ф. Ольденбурга 1928 г. в журнале «Человек».

«Большая часть из того, что сказано в этой статье (Бэр, 1949. — *Н.П.*), — писал тогда С.Ф. Ольденбург, — для нас теперь общеизвестно и перестало требовать доказательств, и, тем не менее, не бесполезно ее вновь перечитать многим представителям гуманитарных наук, которые, теоретически признавая необходимость постоянной увязки их работы с данными, получаемыми дисциплинами естественными, на практике... совершенно не считаются или считаются в самой незначи-

тельной мере с факторами окружающей человека природы...» (1928. С. 6).

Главной заслугой Бэра С.Ф. Ольденбург называл «*тот широкий подход... в котором Бэр умел объединить дисциплины гуманитарные с дисциплинами естественными*» (Там же. С. 9). «Чем объяснить, что это направление исследований не нашло себе настоящих продолжателей, — спрашивал автор, — и что, в общем, гуманитарии и естествоиспытатели идут все еще в своей работе отдельными путями?» Может быть, причина этого, несомненно отрицательного, явления кроется в *несоответствии точности методов исследования*, доступных этим, столь разным, областям науки? Естествоиспытатели «не считают возможным удовлетвориться той приблизительностью, которая одна еще пока доступна гуманитариям... Во всяком случае, путь Бэра — единственно правильный...» (Там же).

Подобная оценка идей К.М. Бэра в 1920-х гг. стала возможной, потому что в указанный период — в результате новых открытий в области генетики — учение Ч. Дарвина о происхождении видов в результате естественного отбора перестало восприниматься как догма, безоговорочное признание которой обязательно для всякого прогрессивного человека. Некоторые представления классика эволюционной биологии были признаны устаревшими, и, в большой степени, скорректированы. В редакционном комитете журнала «Человек» участвовали представители многих естественных наук, в том числе акад. И.П. Павлов и один из виднейших русских генетиков проф. Ю.А. Филипченко. Несомненно, программная статья С.Ф. Ольденбурга, отражавшая, фактически, теоретическую платформу журнала («Путь Бэра единственно правильный...»), не могла быть принята к печати без их согласия.

Какие же высказывания К.М. Бэра воспринимались, как «антидарвинистский поход» и вызывали яростный протест у естествоиспытателей-эволюционистов XIX в.? В уже упоминавшейся статье в журнале «Натуралист» академик писал: «...Как достигла родоначальница... обезьяна, что получила человеческую ногу? ...Бросила деревья и начала упражняться в хождении по ровной земле?..

Но куда же подевалась борьба за существование? Плоды, которыми она прежде питалась, растут на деревьях... Должно ли принять, что все деревья были истреблены?.. Но тогда необходимо должны были погибнуть все обезьяны. Или должно допустить, что обезьяны в течение тысячелетий упражнялись в хождении по ровной земле, и с земли доставали плоды, чтобы только отказаться от роковой формы ноги и не сохранить ее упражнением в лазаньи? Но это будет не борьба за существование, а борьба за цивилизацию, которой они должны предаваться в течение тысячелетий. Но где мы найдем и у человека, чтобы потребности желудка были пожертвованы духовным потребностям?..

...Гекслей рассуждает почти следующим образом: так как Дарвинова гипотеза есть единственная, которую можно принять, то к ней должно прибегнуть для объяснения происхождения человека. Но есть гораздо простейший исход: именно сознаться, что мы не знаем или не понимаем происхождения различных животных естественноисторическим путем...

...Я нисколько не принимаю, что все органические существа не изменчивы, и выражал это убеждение... до появления сочинений Дарвина. Но чтобы верить в такую большую изменчивость, я требую доказательств и, прежде всего, переходных форм...» (Бэр, 1865–1867. С. 30–31).

Очерченная Бэром позиция — это позиция строгого ученого-позитивиста, верящего, в первую очередь, опыту: «Натуралист, как таковой, не имеет права верить в чудо, то есть в отмену законов природы: то, что лежит вне их, для него не существует...» (цит. по: Райков, 1951. С. 148). В принципе, «нет никаких оснований бояться признать происхождение человека от низших форм... Но дело в том, что подобная филогения для человека *не доказана и представляет собой род научной спекуляции* (курсив мой. — Н. П.)...» (Там же. С. 147).

По мнению самого К.М. Бэра, учение Дарвина не следовало бы отождествлять с «гипотезой трансмутации вообще». Это лишь попытка *объяснить* трансмутацию — тот род и способ, которым она происходит. Однако накопление мелких изменений, с точки зре-

ния самого Бэра, не могло повести к образованию новых видов. Естественный отбор не в силах объяснить морфогенез. То же касается и полового отбора, описанного Ч. Дарвином (Там же. С. 148, 149). Те изменения, которые реально могли быть прослежены на домашних животных, всегда совершались в рамках одного вида, а потому не существенны. Если же запрограммированный «образовательный процесс» эмбрионального развития почему-либо нарушается, то это ведет отнюдь не к образованию новых видов, а к остановке всего процесса или к образованию уродов (Бэр, 1865–1867. С. 12).

Как отмечал один из биографов, «проработав свои лучшие годы над эмбриологией, имея дело с развитием зародыша в яйце, которое происходит вполне закономерно, под влиянием цепи... внутренних причин... Бэр, естественно, был склонен придавать особое значение именно внутренним причинам, управляющим развитием и жизнью организма...» (Холодковский, 1893). Отрицание принципа естественного отбора как ключа к пониманию процесса «очеловечивания» не означало для него отрицания идеи эволюции как таковой. Но как строгий ученый, Бэр предпочитал, при отсутствии фактов, «сознаться, что мы не знаем». Ныне приходится констатировать: во многих вопросах он оказался дальновиднее своих прогрессивных современников.

К.М. БЭР И ЕГО ПЛАН АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИИ

Круг основных проблем, намечавшихся академиком в связи с предстоящим исследованием нашей страны в археологическом отношении, был ясно обрисован им в «Записке о снаряжении археолого-этнографических экспедиций в пределах Российского государства». Эта статья опубликована на немецком языке в Бюллетене ИАН (1864. Т. VII. С. 288–295). Здесь я пользуюсь переводом, выполненным П.И. Лерхом и приведенным в его неопубликованной работе «Соображения об археологической поездке в северо-восточные губернии» (Лерх, 1865). Последняя была пред-

ставлена в Императорскую Археологическую комиссию в качестве обоснования плана полевых исследований 1865 г.

«...Откуда появилось искусство обрабатывать различные металлы? Как и откуда вывезены разнообразные породы хлебных растений и домашние животные? — спрашивает К.М. Бэр. — Вот задачи, пока еще не тронутые, или, по крайней мере, не решенные. Осторожные датчане и шведы приписывают эти успехи... не первым жителям своих стран, а позднейшим пришельцам. Филология и история доказали, что вышеназванные... элементы перенесены сюда из Азии; то же самое подтверждается и находками, добытыми в могилах. Но откуда именно и каким образом происходили эти переселения — это вопросы, которые можно будет разяснить только тогда, когда и другие страны примутся за такие же усердные исследования остатков своей родной старины, как то сделал скандинавский север.

...Самое решение этих вопросов может быть найдено единственно в странах, лежащих между Азией и западною Европою — именно в России... У нас со времен Карамзина ревностно занимаются тою частию отечественной истории, которая основывается на письменных памятниках; но колыбель нашей народной жизни, все то, что предшествовало письменности, представляет еще сырой неразработанный материал. Разрывались у нас курганы, писались об них всевозможные отчеты; но дело в том, что, во-первых, все эти отчеты не подведены под общие точки зрения, а, во-вторых, нет общего и достаточно обширного собрания всех родов найденных доисторических предметов. Такие предметы, если они не состоят из благородных металлов, часто даже не сберегаются или, по крайней мере, не вносятся в общее собрание. У нас даже не решено, как называть те или другие предметы. Между тем, все те из иностранных ученых, которые серьезно интересуются исследованием древнейшей истории человеческого рода, ждут с нетерпением возможно полных известий из России, послужившей переходной станцией для древнейших образовательных начал.

Достаточно одного беглого взгляда на карту, чтобы убедиться, что этим переселениям

из Азии в Европу оставалось на выбор только два пути: морской — через греческий архипелаг или Геллеспонт, или сухопутный — через широкую Русскую равнину... У нас уже давно заметили, что в так называемых чудских копях или чудских могилах в Сибири сохранились металлические изделия значительной древности; связь их с введением металлического производства в западной Европе и самое время разработки этих копей можно будет определить только тогда, когда составятся полные и правильные собрания таких находок с достоверными и полными сведениями о месте нахождения...

Если Россия не займется изучением своей древнейшей старины, то она не исполнит своей задачи, как образованного государства. Дело это уже перестало быть народным: оно делается общечеловеческим. Но затронется и разовьется интерес чисто национальный, если мы узнаем результаты всего того, что сделано на этом поприще другими народами, и если облегчится классификация и номенклатура древностей, находимых в нашем отечестве...» (цит. по: Лерх, 1865. Л. 4 об — 6).

Обосновав таким образом «научную потребность археологического исследования России», К.М. Бэр сформулировал план, по которому следовало организовать изучение «доисторических переселений и быта древних обитателей» на ее территории (Там же. Л. 6). Для этого, по его мнению, было необходимо снарядить экспедиции в различных направлениях, на три года. От их руководителей требовалось «полное знакомство с результатами западноевропейских исследований о доисторическом быте человечества», а также с опубликованными сведениями о раскопанных в России памятниках. Первая экспедиция должна была обследовать курганы в пределах области распространения «чудских могил» и раскрыть некоторые из них — самые разнородные, — параллельно наводя справки об уже имевших место раскопках. Вместе с тем, по мнению К.М. Бэра, следовало бы провести поиск следов древних поселений или иных остатков деятельности человека «по краям озер».

После этих обследований Бэр планировал более специальные экспедиции: 1) в низменность на юге Урала; 2) к екатеринбургской

впадине Уральского хребта; 3) в Крым через Тамань и в Понтийско-Каспийскую степь. По его мнению, эти три пути могли оказаться «главными вратами переселения». По всем указанным направлениям следовало, с его точки зрения, вскрывать курганы и известные «плоские могилы», а затем осуществить широкое сравнение всех сделанных находок. Исполнение своего плана он считал действительно необходимым, с учетом того, что «в самых различных местностях России открываются курганы и другие могилы, о содержании и устройстве которых не доводится до всеобщего сведения» (Там же. Л. 6 об — 7).

Как видим, идея, что «свет с Востока» шел в Западную Европу через Россию, оказалась впервые введена в отечественную науку именно К.М. Бэр. Данная гипотеза была подсказана всей логикой исследований того периода в области сравнительного языкознания. Указанное направление, в полном смысле слова, открыло новые горизонты для исследования первобытности. По выражению П.И. Лерха, «результаты, добытые с помощью лингвистики, превосходят все надежды самого пылкого воображения археологов до применения сравнительного метода к изучению языков...» (Лерх, 1863–1865. Т. IV. Вып. 2. С. 150). Все археологи первой половины — середины XIX в., задававшиеся вопросами происхождения земледелия, металлургии и т. п. в Европе, так или иначе апеллировали к современным им разработкам мировой индоевропеистики. По представлениям тех лет, разделявшимися и К.М. Бэром, «филология и история» уже вполне доказали, что «вышеназванные... элементы перенесены сюда из Азии» (Лерх, 1865. Л. 4 об).

Впечатляющих результатов достигло в тот период и финно-угорское языкознание. В частности, К.М. Бэру были прекрасно известны результаты экспедиций М.-А. Кастрена по Русскому Северу, Уралу и Сибири, производившиеся с целью сбора и обобщения языкового материала коренного населения указанных регионов. Эти экспедиции организовывались и финансировались Петербургской Академией наук. Материалы их были обобщены и опубликованы в Санкт-Петербурге коллегой и соавтором К.М. Бэра, акад. А.А. Шифнером, в 1853–1862 гг. Резуль-

татом этого стала разработка алтае-саянской гипотезы происхождения урало-алтайской группы языков и их носителей. Она получила обоснование на базе огромного материала, обретая, в результате, внутреннюю логику и научную строгость (Матющенко, 1992. С. 25).

На этом фоне становится ясно, почему важнейшая роль в историческом процессе априорно отводилась многими учеными XIX в. — в том числе К.М. Бэром — миграциям и заимствованиям с востока. И то, и другое представляло собой феномены, хорошо известные по письменным источникам. Факты древних переселений логично вытекали из исследований лингвистов, результаты которых не вызывали у ученых-историков и археологов никаких сомнений. Казалось, необходимо лишь детализировать их, уточнить, откуда, как и когда осуществлялись миграции. Развить указанную концепцию далее предстояло в России П.И. Лерху и А.С. Уварову.

Подход, намеченный Бэром, предполагал опору именно на данные лингвистики и проверку исходной гипотезы с помощью раскопок. Полученные предметы должны были систематизироваться и использоваться в дальнейшем как *документы*, подлежащие, в свою очередь, сравнительному исследованию и музейному хранению. Характерно, что даже в сжатом, почти тезисном, изложении К.М. Бэр находит место для постановки проблемы выработки «номенклатуры и классификации древностей». Эту последнюю, с его точки зрения, следовало осуществить на базе самого современного зарубежного опыта. Тут, безусловно, сказался подход строгого естествоиспытателя, хорошо понимающего, что без разработанной номенклатуры и классификации нет науки.

Сам порядок археологического обследования России явно виделся К.М. Бэру по образцу и подобию его собственных комплексных экспедиций 1830–1850-х гг. Возможно, стань он сам во главе такого проекта, его авторитета хватило бы, чтобы настоять на осуществлении этих планов, хотя бы частичном — силами Академии наук. Несомненно, в таких экспедициях нашлось бы место и для углубленного изучения памятников в естественнонаучном отношении — в частности, для постановки

вопросов о природной, географической среде древности. Как уже говорилось выше, эти вопросы давно интересовали К.М. Бэра. Но в 1864 г. ему было уже за семьдесят. Сама же задача выглядела весьма нетривиально.

Прежние обследования российских окраин, производившиеся ИАН и РГО, лишь по ходу дела дополнялись сведениями из области археологии и этнографии. Их главной целью был сбор естественнонаучных или лингвистических данных. И то, и другое являлось в России прерогативой, в первую очередь, Академии наук. Для этого там имелись хорошо подготовленные кадры исследователей. Теперь же ставилась совершенно иная, непривычная цель — специальное *археологическое* изучение целых регионов Империи, включая обширные раскопки. Но кто должен был их осуществлять? И на чьи средства?

В ту пору, когда М.-А. Кастрен, К.М. Бэр, Л.И. Шренк и др. проводили свои комплексные экспедиции на Урал, в Прикаспий, на Амур и т. д., в России еще не существовало государственного учреждения, ведающего раскопками. Но в 1859 г. таковое, наконец, появилось — в лице Императорской Археологической комиссии. Организация целенаправленных археологических обследований автоматически отошла в ее ведение. При этом ни бюджет Комиссии, ни ее оснащенность кадрами исследователей на том этапе не шли ни в какое сравнение с возможностями ИАН. Но это была новая реальность, с которой пришлось считаться, в частности, сотрудникам Академии наук, обратившимся к изучению первобытной археологии. Не случайно в 1865 г. П.И. Лерх обращается со своим проектом археологического изучения северных финских народностей именно в ИАК.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность К.М. Бэра сыграла *формирующую* роль в процессе становления отечественной археологии. Его выступления ознаменовали собой начало разработки отечественных памятников как *национальных древностей*, понимаемых как исторические источники. Данный процесс сопровождался пробуждением общественного интереса к памятникам. «Бэровская традиция» в русской археологии характеризовалась: а) органичным сочетанием гуманитарных и естественнонаучных методов в рамках историко-археологического исследования, отчетливой постановкой проблемы влияния географической среды на культуру; б) профессиональной увязкой полученных данных с данными сравнительной лингвистики.

Никакого выраженного противопоставления научных подходов — «исторического» и «естествоведческого» — в этот период еще не прослеживается. Археологические работы, проводившиеся тогда, с одной стороны, учеными-естественниками, с другой — гуманитариями, характеризует общность поставленных задач, методов и конечных целей. Ключевые памятники, как правило, изучались ими совместно.

В методологическом плане К.М. Бэр и его последователи ориентировались на разработки скандинавских ученых середины XIX в., ставших первопроходцами в области археологической типологии и хронологии. Идея эволюции в культуре органично уживалась у них с другой — априорно отводившей важную роль в историческом процессе миграциям и заимствованиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анучин Д.Н., 1900. Беглый взгляд на прошлое антропологии и на ее задачи в России // Русский Антропологический журнал. Кн. 1.

Богданов В.В., 1941. Дмитрий Николаевич Анучин. М.

Бэр К.М., 1849. О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества // Карман-

ная книжка для любителей земледения за 1848 год. СПб.

Бэр К.М., 1851. Человек в естественно-историческом отношении. СПб.

Бэр К.М., 1863. О древнейших обитателях Европы // Зап. РГО. Кн. 1.

Бэр К.М., 1864. О первоначальном состоянии человека в Европе // Месяцеслов

за 1864 (високосный) год. СПб. Приложение.

Бэр К.М., 1865–1867. Место человека в природе // *Натуралист.* 1865. № 19–24; 1866. № 9, 18, 22–24; 1867. № 1–3. (Отд. отт.)

Бэр К.М., 1924. Избранные работы (главы из «Истории развития животных» и «Всеобщий закон природы, проявляющийся во всяком развитии»). Л.

Бэр К.М., 1950. Автобиография. М.; Л.

Бэр К.М., Шифнер А.А., 1862. О собирании доисторических древностей в России для этнографического музея // *Зап. ИАН.* СПб. Т. 1. Кн. 1.

Вернадский В.И., 1927. Памяти академика К.М. фон-Бэра // *Первый сборник памяти Бэра.* Л. (Тр. Комиссии по истории знаний. Вып. 2.)

Иностранцев А.А., 1880. Человек каменного века у Ладожского озера // *Вестник Европы.* СПб. Кн. 5.

Князев Г.А., 1931. Дмитрий Иванович Менделеев и Императорская Академия // *Вестник АН СССР.* № 3.

Лерх П.И. 1863–1865. Орудия каменного и бронзового веков в Европе // *Изв. РАО.* 1863. Т. IV. Вып. 2; 4; 1865. Т. V. Вып. 4.

Лерх П.И., 1865. [Рукопись]. Соображения об археологической поездке в северо-восточные губернии // *О разыскании г. Лерхом древностей в губерниях Олонецкой, Вологодской и Вятской.* (НА ИИМК. Ф. 1. 1865. № 15. Л. 1а–14)

Лерх П.И., 1881. Какие замечаются черты сходства и различия в материале и форме, а поэтому и в цели назначения каменных орудий, которые находятся в Финляндии, Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерниях и Прибалтийском и Северо-Западном краях // *Тр. II АС в С.-Петербурге.* Вып. 2.

Матющенко В.И., 1992. История архео-

логических исследований Сибири (до конца 1930-х годов). Омск.

Назаров А.Г., 2008. Карл Максимович Бэр (1792–1876). М.

Ольденбург С.Ф., 1928. К.М. Бэр и изучение человека // *Человек.* № 1.

Радлов Э.Л., 1927. К.М. фон Бэр как философ // *Первый сборник памяти Бэра.* Л. (Тр. Комиссии по истории знаний. Вып. 2.)

Райков Б.Е., 1950. Введение в автобиографию К.М. Бэра // *Бэр К.М. Автобиография.* М.; Л.

Райков Б.Е., 1951. Карл Максимович Бэр // *Русские биологи-эволюционисты до Дарвина.* М.; Л. Т. 2.

Романовский С.И., 1999. «Обрусение» российской науки как национальная проблема // *Вопросы истории естествознания и техники.* № 3. <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/RUSPLUS.HTM>

Соловьев М.М., 1941. Бэр на Каспии: Каспийская экспедиция 1853–1856 гг. под руководством акад. К.М. Бэра. М.; Л.

Таммиксаар Э., 2000. Географические аспекты творчества Карла Бэра в 1830–1840 гг. // *Dissertationes geographicae universitatis Tartuensis.* Тарту. № 11.

Тимирязев К.А., 1939. Развитие естествознания в России в эпоху 60-х годов // *Тимирязев К.А. Соч. М. Т. VIII.*

Уваров А.С., 1910. Материалы для биографии и статьи по истории археологии // *Сборник мелких статей: К 25-летию со дня кончины графа А.С. Уварова.* М. Т. III.

Формозов А.А., 1983. Начало изучения каменного века в России. М.

Холодковский Н.А., 1893. Карл Бэр, его жизнь и научная деятельность. СПб. http://az.lib.ru/h/holodkowskij_nikolaj_aleksandrowich/text_0070.shtml

Trigger B.G., 1989. A History of Archaeological Thought. Cambridge. XIII.

Илл. 49. Портрет К.М. Бэра конца 1830-х годов

Beliaev L.A.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: labeliaev@mtu-net.ru

Classical archaeology: the factor of the development of West-European culture

This article was intended in the beginning of 2000-s as a detailed and extensive text for the *Antiquity* section of *Russian Orthodox Encyclopedia* (Moscow: 2001, vol. II). However, because of technical reasons, it was not published there. This is a review on the development of Classical West-European archaeology and its influence on coming into being Art and Society. The article explores the role of Greco-Roman antiquities in European culture of both Early Modern and Modern periods. The paper is generally based on contemporary Western research because in Russian scholarship this theme is developed very little, while it appeared to be a well developed field in the West. A.A. Formozov have reviewed this article, as well as some other works written by Leonid Beliaev in 1990-s (first of all, it concerns a survey popular in Russia *Khristianskie drevnosti* (= *Archaeology of Christianity. Introduction into comparative analysis*. Moscow: 1998). Formozov's unpublished review is published as an Appendix to the article.

Tunkina I.V.

St. Petersburg Branch of Archives of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Archaeological-epigraphic investigations of F.K. von Bieberstein in the Eastern Crimea and the Caucasus in the late XVIII (according to unpublished archive records)

The article contains the unpublished archival materials of German botanist on the Russian service F.K. Bieberstein (1796), mostly the researches in the topography of Asian Bosphorus according to Strabo and copies of the Ancient Greek, Byzantine, Old-Russian, Armenian, and Arab inscriptions found in the Crimea and the North Caucasus (mainly in the Taman Peninsula) in the late 18th century. These materials were widely used by other researchers, in particular P.S. Pallas (1801) and M. Guthrie (1802). The majority of the inscriptions copied by F.K. Bieberstein were introduced into the scientific world, but often without identification of the author of these copies.

Platonova N.A.

Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

e-mail: niplaton@gmail.com

Karl Ernst von Baer and the beginnings of studies of Russia's prehistoric antiquities

The scientific approach to studies of the prehistoric antiquities in Russia was initiated by Academician Karl Ernst von Baer, the founder of the anthropological collections of the Museum of the Imperial Academy of Sciences, also a cofounder of the Russian Geographical Society and the president of its Ethnographic Department. He was the first to formulate the basic laws of ontogenesis and the concept of the types of the animal world. Von Baer left an outstanding mark in archaeology. It was he who first put forward in Russian scientific literature (1849) the problem of the influence of the geographic environment upon culture. Between the 1850s and 1860s, von Baer suggested a plan of wide-scale expeditionary investigations in the Ural, Azov Sea and Caspian regions. By force of circumstances it had never been realized. The scientific approach to antiquities proposed by von Baer implied application of the data of comparative linguistics and confirmation of the initial hypotheses by excavations. The artefacts obtained were to be systemized and regarded as "documents" on the earliest history of settling Russia. The finds were to be kept in museums and subjected to comparative studies. The scholar realized his views, when creating the first precedent of acquiring a collection of stone tools by the Museum of Imperial Academy of Sciences (early 1860s).

А.А. Формозов – аспирант, 1954 г.

А.А. Формозов в экспедиции, начало 1950-х гг.

А.А. Формозов в экспедиции, начало 1950-х гг.

А.А. Формозов (в центре), М.Д. Гвоздовер (слева) и неизвестная (справа), 1953 г.,
экспедиция в Авдеево

А.А. Формозов в Костенках, 1953 г.

А.А. Формозов, Крым, конец 1950-х гг.

А.А. Формозов,
Рижское взморье, начало 1960-х гг.

А.А. Формозов,
Кабыстан, Дшир-Гир Даг. 1963 г.

А.А. Формозов (ИА РАН), Л.Н. Корякова (ИИА УрО РАН), Н.Я. Мерперт (ИА РАН),
Н.К. Стефанова (УГУ), Н.А. Боковенко (ИИМК РАН) (слева направо),
Свердловск, 1989 г. Школа молодых археологов Уральского региона

А.А. Формозов в Поленово, 2005 г.